

ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО

УДК 9.93

Методы борьбы охранных отделений политической полиции России с революционными организациями на рубеже XIX-XX вв.

И.М. Горбачева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В статье представлены наиболее действенные методы борьбы охранных отделений политической полиции России с революционными организациями - внутреннее наблюдение и провокация.

Ключевые слова: политическая полиция; охранный отделенение; терроризм; революционные организации; внутреннее наблюдение; провокация.

История и деятельность борьбы политической полиции России и охранных отделений с революционным насилием – тема, которая интересует исследователей почти столетие. Но и по сей день мы не можем дать однозначную оценку периоду, когда революционные партии путём террора пытались свергнуть существующий строй, а политическая полиция с помощью особых средств и методов старалась этого не допустить.

Под охранным отделением, или охранкой, как его прозвали впоследствии, было принято подразумевать всю политическую полицию. Возможно, это произошло потому, что слово «охранка» лучше всего характеризовало главную задачу тайной полиции – охранять, защищать государственный строй. Радиус действий охранных отделений отнюдь не совпадал с каким бы то ни было административным делением государства.

В отделениях до совершенства доходили сыск и провокация, в них было вложено много умения, усердия и иногда таланта руководителей и служащих. Однако охранные отделения находились лишь в некоторых крупных городах, тогда как жандармские управления территориально покрывали всю Россию.

В конце девятнадцатого столетия наибольшую известность приобрела Московская охранка. Её руководителям удалось при небольшом аппарате

«опутать» всю страну сетью секретной агентуры. Московское охранное отделение находилось в Гнездиновском переулке и распространяло свою деятельность далеко за пределы Москвы и Московской губернии.

Одним из наиболее действенных методов борьбы с революционными организациями руководители Московского охранного отделения считали внутреннее наблюдение и провокацию. Что же такое «провокация»? Это слово появилось в русском языке в начале XVIII века и имело латинское происхождение. Долгое время оно употреблялось лишь как синоним подстрекательства. В словаре мы можем прочесть такое определение: «провокация – это предательские действия тайных агентов полиции, проникших в революционные организации с целью информирования политической полиции о деятельности революционеров, выдачи полиции лучших работников, а также с целью вызова революционных организаций на такие действия, которые ведут к их разгрому [16, С.581] . С политической полицией понятие «провокация» стали связывать лишь в XX веке . Наряду с внутренним наблюдением, она стала важнейшим способом получения информации о планах и намерениях членов революционных террористических организаций.

Исследователи этой проблемы – французский социалист Ж. Лонге и русский эмигрант Г . Зильберт в своём исследовании писали , что Франция является колыбелью современной политической полиции, где система сыска и провокации возникла и развилась. «Но нигде, ни в одном европейском государстве ядовитый цветок провокации не распустился с такой пышностью, как на благоприятной почве русского царизма. Агенты – провокаторы в России являлись неизменными спутниками всякого революционного движения, направленного против самодержавной власти» [4, С.3].

Провокация как метод давала писателям и исследователям богатую пищу для нравственных размышлений. Бывший директор особого отдела департамента полиции А.А. Лопухин по поводу провокации писал, что когда изнутри агент толкает организацию на конфликт с законом, на выступление, за которым кровь и тюрьма, - это провокация не столько против организации , сколько против власти, режима, общества [5, С.16].

Агентурный отдел внутреннего наблюдения считался главным подразделением охранного отделения и состоял из начальника, его помощника,

жандармских офицеров и секретных сотрудников, занимавшихся внутренним наблюдением. Каждый офицер специализировался на одной из партий и имел по нескольку секретных сотрудников. Все секретные агенты – сотрудники внутреннего наблюдения – имели своими руководителями жандармских офицеров или штатских чиновников, служивших в Департаменте полиции, Охранных отделениях или Заграничной агентуре. Чем больше агентов удавалось завербовать тому или иному сотруднику, чем лучшего качества они оказывались как информаторы и исполнители провокационных действий, тем легче он преодолевал служебные преграды, тем быстрее взлетал на верхние ступени иерархической лестницы полицейской власти. Сотрудники политического сыска распоряжением монарха получали чины и ордена вне очереди, установленной во всех других ведомствах Российской империи. Например, начальнику Петербургского охранного отделения А.В. Герасимову за пять лет службы в охране удалось продвигаться от ротмистра до генерал-майора [17, С.56].

Поначалу руководители охраны старались следовать «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения», утверждённой в 1907 году и вновь выпущенной в 1914 году, в которой говорилось: «Лица, ведающие розыском должны твёрдо помнить, что сотрудничество от провокаторства отделяется весьма тонкой чертой, которую легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска» [18; С.147].

Департамент полиции издал совершенно секретный циркуляр о степени участия секретных сотрудников в деятельности революционных организаций, в котором выражал обеспокоенность поступающими сведениями об их активном участии в таких революционных действиях, как вооружённые экспроприации, хранение бомб и т.п., причём один из секретных сотрудников во время обыска даже подбросил хранившуюся у него бомбу своему соседу по квартире. Такие секретные сотрудники задерживались...и привлекались к судебной ответственности. В то же время лица, ведающие розыском, узнавали о деятельности своих секретных сотрудников уже после их привлечения к следствию, а в донесениях в Департамент старались оправдать преступную и провокаторскую деятельность и даже ходатайствовали об освобождении их от

судебной ответственности. «Такое поведение секретных сотрудников и описанное отношение к нему лиц, ведающих розыском, ясно указывает на полное непонимание последними назначения секретной агентуры и степени её участия в революционной деятельности. В виду изложенного, Департамент Полиции...считает необходимым разъяснить, что, состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокачеством», т.е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли, или даже совершенно невиновных...» [1, л.121]. Но стремление к идеалу нередко оставалось только на бумаге. Сам характер деятельности агента заставлял его балансировать между законом и провокацией. В той же инструкции признавалось, что для сохранения своего положения агенты должны не уклоняться от активной работы. Все причастные к политическому сыску знали, что без провокаторов не обойтись, что за их использование наказания не последует, лишь бы ничего не всплыло наружу. Начальники охранок вероятно считали, что, дав разрешение на внедрение секретных агентов, Департамент должен смириться и с методами работы некоторых из них.

В докладе председателя Чрезвычайной следственной комиссии Н.К. Муравьева при анализе инструкции говорилось, что это «документ, который являлся хартией вольностей департамента полиции и который являлся положением её беззакония» [6, С.13]. Инструкция была настолько секретна, что её запрещалось выносить за порог кабинета. В ней говорилось, что один даже самый слабый секретный сотрудник, находящийся в «обследуемой среде», неизменно даст больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведующие розыском. Однако, прежде чем приступить к практической работе с завербованным агентом, его требовалось незаметно, но основательно проверить, постаравшись поставить его под перекрёстную агентуру.

Позже Г.П. Судейкин, которого назначили инспектором секретной полиции, представил императору циркуляр с изложением своих взглядов и методики сыска. Он считал, что необходимо: «1) возбуждать с помощью особо активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами; 2)

распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду; 3) передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию, кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве, вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы» [15, С.117].

Офицеры агентурных отделов Охранных отделений вербовали секретных сотрудников в кабаках, гостиницах, на постоялых дворах, среди фабричных рабочих, железнодорожников, учителей, студентов, проституток, воров, но самым большим приобретением охраны были лица, состоящие в революционных партиях. Самым надёжным сотрудником, по мнению П.П. Заварзина, являлся тип беспартийный, проводимый в обследуемую среду через её организации постепенно, начиная с низшей к высшей ступени. У таких лиц зачастую развивается преданность делу и розыскная тенденция. Но чаще встречается утомлённый и разбитый жизнью человек, разуверившийся в целесообразности социалистических или иных идейных стремлений; он склонен, без особого труда, к принятию предложения заняться освещением деятельности известной ему организации [3, с.17]. К тому же, сам Заварзин считал, что хороший агент – большая редкость, а чаще попадались «элементы, озлобленные против своих сопартийников, которые обычно и предают, желая им отомстить» [3, С.18].

Для того, чтобы завербовать побольше агентов, Московское охранное отделение вывесило в камере расценки за доносы на революционеров. Они начинались с пяти рублей [12, С.18].

Следуя инструкции, лица, ведающие розыском, должны ознакомиться с арестованными по политическим преступлениям и выявить тех, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерных, недостаточно убеждённых революционеров, считающих себя обиженными в организации, склонных к лёгкой наживе). При вербовке секретных агентов сотрудникам политического сыска рекомендовалось выявлять и использовать слабости арестованных и подследственных лиц: трусость, карьеризм, корыстолюбие, честолюбие, прибегать к угрозам, давать выгодные обещания. Рекомендовалось сажать арестованного, которого предполагалось сделать агентом, в сырую холодную

камеру и плохо кормить. Продержав так некоторое время, чтобы дать прочувствовать всю прелесть царских тюрем, неожиданно ночью привести узника в хорошо обставленный кабинет жандармского офицера, усадить в кресло, угостить чаем, предложить сигару. Переход из холода и голода темницы в такую обстановку вместе с то вкрадчивыми, то угрожающими речами жандарма, должен был дать почувствовать жертве разницу между горькой долей врага охранки и сладкой участью «сотрудников». Всякий попавший к жандармам в качестве провокатора не мог надеяться когда-нибудь выйти оттуда, при всякой попытке порвать связь с розыском он натыкался на непреодолимые препятствия со стороны своего начальства: ему прямо заявляли, что он должен продолжить службу, в противном случае ему грозили провалом [2, С.162].

Однако чем теснее агент охранки был связан с подпольем, чем значительнее было его место в революционном движении, тем большую ценность представлял он для жандармов – охранников. Приходилось выбирать : или «сочувствие» революционерам – и жалкие крохи информации, или участие в их деятельности – и реальная возможность проникнуть в самые сокровенные тайны подполья. Нет необходимости говорить о том, какой выбор сделала охранка. Агенту рекомендовалось принимать активное участие в деятельности партии, но на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой.

В начале XX века практически не осталось ни одной подпольной организации, о которой бы не знала тайная полиция. Тайным секретным агентам официальные инструкции предписывали избегать нарушения законов, исполнять роль пассивных наблюдателей, однако в этом случае информация была крайне скудна – члены террористических и экстремистских организаций соблюдали строгую конспирацию, действовали крайне жёстко.

Чтобы обезопасить свои ряды от проникновения агентов, революционные социал-демократы разработали инструкцию по «организации шпионов»: «Как известно, шпионы делятся на постоянно исполняющих должность и на временных добровольцев ; прочие полицейские сыщики составляют особую категорию, не принадлежащую к организации политических шпионов...Одни из шпионов не имеют никаких определённых занятий, а только шляются по улицам и конкам; другие под видом рабочих, студентов, чиновников и т.п. стараются

проникать всюду, где только подозревается нелегальная деятельность, третьи постоянно путешествуют по железным дорогам... Особо опасной разновидностью шпиона является шпион-provokator. Притворяясь социалистом, provokator сам образует тайный кружок или проникает в уже существующую организацию и при удобном случае передаёт её в руки жандармов; в этом и состоит вся его деятельность. Provokatorом часто бывает человек интеллигентный, начитанный, проявляющий необыкновенное рвение и преданность делу; поэтому трудно разоблачить его...» [7, С.21-22].

С.Н. Галвазин в книге «Охранные структуры Российской империи» приводит своеобразную классификацию агентов – provokatorов:

- Provokatorы – наблюдатели, которые выдавали себя за политических ссыльных, потерявших здоровье, немного скептически настроенных, но все-таки «сочувствующих» делу партии и готовых на небольшие услуги. Они осторожны, прислушиваются к разговорам и выясняют интересующие их вопросы.

- Provokatorы-развратители. Попадая в молодёжную среду, они начинают пьянствовать и спаивать молодёжь. На собрания кружков приходят с водкой, стараются увлечь весь кружок в трактир и при этом денег на угощение не жалеют.

- Provokatorы-организаторы. Вступив в кружок, они рассказывают о себе, как о старых революционерах, призывают к активным действиям и упрекают всех в бездеятельности и трусости. Адреса нелегально живущих партийцев пытаются узнать нахально, нарушая правила конспирации: «Завтра мне необходимо встретиться с Вами. У меня нельзя, на улице – опасно, дайте адрес» и т.п. [9, С.128]

Таким образом, и полиция, и революционеры старались как можно больше узнать о противнике и не жалели на это сил и средств. Случалось, что революционные организации сами пользовались теми же методами, которые применяли против них. «Предлагали свои услуги для секретной работы лица, в действительности подсланные обследуемым лагерем в розыскное учреждение, для его дезорганизации, разведки и даже совершения убийств руководителей розыскным делом», - писал П.П. Заварзин [3, С.18].

Иногда охранка шла на прямые provokации – агент с товарищами по антиправительственной борьбе сам организовывал подпольную работу, сообщая

при этом обо всех своих действиях жандармам. Г.П. Судейкин, читая лекции сотрудникам охранного отделения, определял задачи, которые стояли перед полицейским агентом. Первая задача – информационная, он «должен проникать на все собрания революционеров, выявлять конспиративные квартиры, стремиться быть в курсе деятельности революционной организации и отдельных революционеров, систематически и правдиво информировать обо всём этом охранное отделение. Вторая задача – проникнув в революционные организации, подстрекать к осуществлению крайних мер, желательно откровенно анархистского порядка, как то : бунт, когда бы разбивались и разграблялись магазины, торговые склады, поджигались дома жителей, открывалась беспорядочная стрельба по представителям полиции , бросались бомбы и т.д.» [11, С.34]. Так провокация стала ановилась надёжным и узаконенным методом деятельности политического сыска в России.

«Секретные сотрудники» были своего рода «элитой» политической полиции, поэтому отбор был достаточно строгим. К кандидату, которого планировалось использовать в революционной среде, предъявлялись особые требования.

События Первой буржуазно-демократической революции, которая нанесла ощутимый удар по царскому самодержавию, показали неспособность политической полиции и всей карательной системы царизма предотвратить развитие революционного движения.

Назначенный руководителем политической полиции А.В. Герасимов вскоре после революции и убийства великого князя Сергея Александровича получил от генерала Трепова задание – уничтожить террористическую группу в Петербурге, которая готовила серию новых терактов. Однако то, что он увидел, придя в здание Петербургского охранного отделения – это всеобщий хаос и неразбериха. Тайные агенты спокойно посещали отделение, вся работа была «карикатурой на политическую тайную полицию». Герасимов пришёл к выводу, что отделению нужна радикальная чистка. «Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов – превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, выпытать планы и свести их на нет, этот аппарат ведёт призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и лишённое всякой цели и смысла» [10, С.8]. По словам

Герасимова, личный состав Петербургской полиции был далеко не удовлетворителен. Очень многих пришлось уволить. Дисциплина тоже была не на должном уровне – дошло чуть ли не до стачки филеров. Когда летом 1905 года один из них был убит на окраине города революционерами, остальные пытались выработать требования, чтобы их не заставляли ходить в рабочие предместья, особенно по ночам.

Особенно удручало Герасимова положение дел в стране: постоянное революционное волнение, каждый день новые сообщения о стачках, демонстрациях, митингах, во главе которых стояли революционные партии – социал-демократы, социал-революционеры, анархисты, буржуазные демократы. «Мы, на ком лежала задача охранения основ государственного порядка, были совершенно изолированы и одиноки. Тяжело признаваться, мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод (таких людей немало!) оказывать нам активную поддержку в деле борьбы против революции. А революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство царя, но решительно боролись против самих основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие. Достаточно сказать, что известный московский миллионер Савва Морозов, владелец крупнейших текстильных фабрик, на которых он жестоко притеснял и обирал рабочих, жертвовал многие тысячи рублей на пропагандистскую деятельность социал-демократов. О том, что вся интеллигенция была на стороне революционеров, едва ли нужно особо говорить. Дело доходило до того, что знаменитый Шаляпин со сцены императорского театра и под бурные овации переполненной аудитории исполнял революционные антимонархические гимны, а не менее знаменитый писатель Л. Андреев предоставлял свою квартиру для тайных собраний Исполнительного комитета социал-демократической партии», - писал Герасимов в воспоминаниях [10, С.87].

Как и Судейкин, Герасимов считал, что главное направление работы – внедрение в революционную среду агентов: «Без такой агентуры руководитель политической полиции всё равно как без глаз. Внутренняя жизнь революционных организаций, действующих в подполье, это совсем особый мир, абсолютно недоступный для тех, кто не входит в состав этих организаций» [10;

с.9]. В результате, к концу его работы в охранном отделении он имел не меньше 120 – 150 агентов во всех революционных и оппозиционных организациях. После революции были опубликованы имена разоблаченных за 1907 – 1917 годы сотрудников полиции; по степени привлекательности или внимания полиции на первом месте – социал-революционеры (39 чел.), за ними – анархисты и социал-демократы (по 10 агентов).

Не лучше обстояли дела и в московской охранке. А.П. Мартынов, с 1912 по 1917 гг. начальник Московского охранного отделения, вспоминал, что, когда он возглавил это ведомство, штат его был достаточно велик: секретные сотрудники и служащие в отделении лица – человек 12 офицеров Отдельного корпуса жандармов, около 100 филеров, (агентов наружного наблюдения); около 60 полицейских надзирателей для службы связи с полицейскими участками и вокзалами и около 10 сторожей и других низших чинов для посылок и т.д. Недоволен Мартынов был составом офицеров: «...было просто непонятно встретить в большинстве моих подчинённых не столько офицеров, сколько отбывающих служебные часы чиновников, мало увлечённых сущностью своей службы и часто даже как бы тяготившихся ею. Никакого горения, никакого душевного влечения к делу! А ведь из них, как теоретически предполагалось, должны были оформиться новые розыскные деятели на местах» [14, С.324].

Но случались и курьёзы. Мартынов в воспоминаниях писал, что к 1913 году в ведении Московского охранного отделения политический розыск сосредотачивался в 10 губерниях Московского промышленного района. От нового начальника района стали поступать невероятные агентурные сведения об активной подпольной работе местного комитета партии социалистов – революционеров. Эти сведения шли вразрез с общими сведениями о партии, которая к тому времени практически бездействовала. Как оказалось, розыск в районе вёл молодой ротмистр, верящий любому слову осведомителей. После расследования, который провёл Мартынов, выяснилось, что осведомитель из-за боязни, что его уволят с должности секретного сотрудника при отсутствии у него каких-либо интересных сведений, сам организовал небольшую группу из своих приятелей и наметил экспроприацию местной судоходной конторы. Пришлось устраивать обыски для изъятия револьверов у участников задуманного ограбления [14, С.340-341].

Не всем стражам порядка, однако, провокация была по душе. Как писалось ранее, А.А. Лопухин, директор Департамента полиции с 1903 по 1908 год подтвердил догадку известного «разоблачителя провокаторов» В.Л. Бурцева о том, что глава БО эсеров Е.Ф. Азеф – агент полиции. В 1909 г. Лопухин за это был осуждён на 4 года и сослан в Сибирь. А бывший товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский прекратил провокаторскую деятельность Малиновского, он же запретил вербовку учащихся средних учебных заведений в осведомители, считая провокацию недостойным делом: «Провокацией я считаю такие случаи, когда наши агенты сами участвовали в совершении преступления...Сами устроят типографию, а потом поймают и получают ордена. Вот относительно таких вещей я был немилосерден», - говорил Джунковский на допросе в чрезвычайной следственной комиссии [13, С.116].

К мнению о вреде провокации присоединились и депутаты Государственной Думы. В связи с убийством Столыпина и предполагаемым участием в нём спецслужб, депутаты направили запрос правительству. В нём, в частности, упоминалось, что в 1901 – 1911гг. убийства, в подготовке которых принимали участие агенты охраны, были частыми и громкими. Вспоминался Азеф, убийства Плеве, уфимского губернатора Богдановича, Великого князя Сергея Александровича и петербургского градоначальника фон дер Лауница. Далее писалось следующее: «...культивируемая сверху система провокаций расцвела пышным цветом в о всей охранной организации до самых её низов. Повсюду инсценируются издательства нелегальной литературы, мастерские бомб, транспортировка из-за границы нелегальной литературы и оружия, подготовка террористических актов, покушения на представителей власти и т.д...вся общественная жизнь приносится в жертву молоху русской полицейской государственности. Охрана стала государством в государстве ...Охрана стала орудием междоусобной борьбы лиц и групп правительственных сфер между собой» [8, С.26].

Уже в ходе революции и особенно в последовавшие за ней годы Департамент полиции лихорадочно проводил реорганизации, призванные выдвинуть на первый план борьбу с партиями. Предпринимались попытки совершенствования форм и методов розыскной деятельности. Особое значение придавалось секретной агентуре, усиливалась перлюстрационная деятельность, разрасталась служба наружного наблюдения, которая, тем не менее, переходила в разряд вспомога-

тельных. Все эти меры привели к тому, что революционному движению был нанесён серьёзный удар, воочию показавший, что перед революционным движением сильный и серьёзный враг.

Источники и литература

Источники

1. *ГАРФ*. Ф.102. Оп.260. Д.259. Л.121-121(об.)
2. *Бакай М.Е.* Из воспоминаний. // Былое №11-12, 1909.
3. *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924.
4. *Лонге Ж.* Зильберт Террористы и охранка. М., 1924
5. *Лопухин А.А.* Из служебного опыта: настоящее и будущее русской полиции. М., 1907.
6. Падение царского режима. Допросы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917г. Т.1. Изд.2. М.-Л., 1926.
7. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. // Нива Народная. 1917.

Литература

8. *Бернштейн А.* Революционеры – оборотни // История. 2005. №8. С.24-30.
9. *Галвазин .С.Н.* Охранные структуры Российской империи. М.: Совершенно секретно, 2001. 192с.
10. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М.: Товарищество русских художников, 1991. 120с.
11. *Жухрай В.М.* Террор. Гении и жертвы. М.: АСТ-Пресс, 2000. 250с.
12. *Кошель П.А.* Политический сыск в России 100 лет назад // История. 2002. №39. С.16-25.
13. *Лурье Ф.* Полицейские и провокаторы: политический сыск в России 1649 – 1917. М.: Terra-ООО, 1998. 417с.
14. *Мартынов А.П.* Воспоминания //Охранка / Ред.и вступ. статья Перегудовой З.И. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.336-345.

15. **Перегудова З.И.** Политический сыск России 1880-1917. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 432с.
16. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, проф. Ф.Н. Петрова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1964. 804с.
17. **Щёголев П.Е.** Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М.: Изд-во политкаторжан, 1992. 417с.
18. **Ярмыш А.Н.** Наблюдать неотступно. Киев: Наблюдать неотступно, 1992. 220с.

Горбачева Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии МИЭТ